

Звездные дневники Ийона Тихого

Путешествие восьмое

Станислав Лем

Итак, свершилось. Я стал делегатом Земли в Организации Объединенных Планет, вернее, кандидатом, хотя и это неточно, ведь Генеральной Ассамблее предстояло рассмотреть кандидатуру всего человечества, а не мою.

geology.com

В жизни я так не волновался. Пересохший язык деревяшкой стучал о зубы, а когда я шел по расстеленной от астробуса красной дорожке, то не мог понять, она ли так мягко пружинит подо мной или подгибаются мои колени. Следовало быть готовым к выступлению, а я слова не вымолвил бы через спекшееся от волнения горло; поэтому, заметив большой автомат с хромированной стойкой и прорезью для монет, я поспешно бросил туда медяк и поставил под кран предусмотрительно захваченный с собой стаканчик от термоса. Это был первый в истории человечества межпланетный дипломатический инцидент: мнимый автомат с газировкой оказался заместителем председателя тарраканской делегации в парадной форме. К счастью, именно тарракане взялись представить нашу кандидатуру на сессии, чего я, однако, еще не

знал, а то, что этот высокопоставленный дипломат заплевал мне ботинки, счел дурным знаком, и совершенно напрасно: то были всего лишь ароматные выделения приветственных желез. Я сразу все понял, приняв информационно-переводческую таблетку, любезно предложенную мне одним из сотрудников ООП; звучащее вокруг дребезжанье тотчас же превратилось в совершенно понятную речь, каре из алюминиевых кеглей на конце мягкой ковровой дорожки обернулось ротой почетного караула, встретивший меня тарраканин, прежде походивший на громадный рулет, показался старым знакомым, а его наружность – самой обычной. Только волнение не отпускало меня. Подъехал небольшой самовоз, специально переоборудованный для перевозки двуногих существ вроде меня, я сел, а тарраканин, втиснувшись туда с немалым трудом и усаживаясь одновременно справа и слева от меня, сказал:

– Уважаемый землянин, должен извиниться за маленькую организационную неполадку; к сожалению, председатель нашей делегации, который, в качестве специалиста-землиста, мог бы лучше всего представить вашу кандидатуру, вчера вечером был отозван в столицу, так что мне придется его заменить. Надеюсь, дипломатический протокол вам знаком?..

– Нет... у меня не было случая... – пробормотал я, безуспешно пытаюсь устроиться в кресле этого экипажа, все-таки не вполне приспособленного для человеческого тела. Сиденье напоминало почти полуметровую квадратную яму, и на выбоинах колени врезались в лоб.

– Ладно, как-нибудь справимся... – сказал тарраканин. Его одеяние с хорошо проглаженными, гранеными, металлически поблескивающими складками (недаром я принял его за буфетную стойку) чуть звякнуло, а он, откашлявшись, продолжал: – Историю вашу я знаю; человечество, ах, это просто великолепно! Конечно, знать все – моя прямая обязанность. Наша делегация выступит по восемьдесят третьему пункту повестки дня – о принятии вас в состав Ассамблеи в качестве ее действительных, полных и всесторонних членов... а верительные грамоты вы, случаем, не потеряли?! – спросил он так внезапно, что я вздрогнул и усиленно замотал головой.

Этот пергаментный рулон, уже слегка размякший от пота, я стискивал в правой руке.

– Хорошо, – сказал он. – Итак, я выступлю с речью – не так ли? – обрисую блестящие достижения, дающие вам право занять место в Астральной Федерации...

вам понятно, конечно, это всего лишь архаическая формальность, вы ведь не ожидаете оппонирующих выступлений... а?

– Н-нет... не думаю... – пробормотал я.

– Ну конечно! Да и с чего бы? Итак, простая формальность, не так ли, и все же не помешали бы кое-какие данные. Факты, подробности, вы понимаете? Атомной энергией вы, конечно, уже овладели?

– О да! Да! – с готовностью подтвердил я.

– Отлично. Ага, и верно, у меня это есть, председатель оставил мне свои заметки, но его почерк... гм... итак, как давно вы овладели этой энергией?

– Шестого августа 1945 года!

– Превосходно. Что это было? Атомная электростанция?

– Нет, – ответил я, чувствуя, что краснею. – Атомная бомба. Она уничтожила Хиросиму...

– Хиросиму? Это что, астероид?

– Нет... город.

zastavki.com

– Город?.. – переспросил он с легкой тревогой. – Тогда, как бы это сказать... Лучше ничего не говорить! – вдруг решил он. – Да, но какие-то основания для похвал все же необходимы. Подскажите-ка что-нибудь, только быстрее, мы уже подъезжаем.

– Э-э... космические полеты... – начал я.

– Это само собой, иначе бы вас тут не было, – пояснил он, пожалуй, слишком бесцеремонно, как мне показалось. – На что вы тратите основную часть национального дохода? Ну, вспомните – какие-нибудь крупные инженерные проекты, архитектура космического масштаба, пусковые гравитационно-солнечные установки, ну? – быстро подсказывал он.

– Да-да, строится... кое-что строится, – подтвердил я. – Национальный доход не слишком велик, много уходит на арми...

– Армирование? Чего, континентов? Против землетрясений?

– Нет... на армию...

– Что это? Хобби?

americanprophecy.org

– Не хобби... внутренние конфликты... – лепетал я.

– Это никакая не рекомендация! – заявил он с явным неудовольствием. – Не из пещеры же вы сюда прилетели! Ваши ученые давно должны были рассчитать, что общепланетное сотрудничество безусловно выгоднее борьбы за добычу и гегемонию!

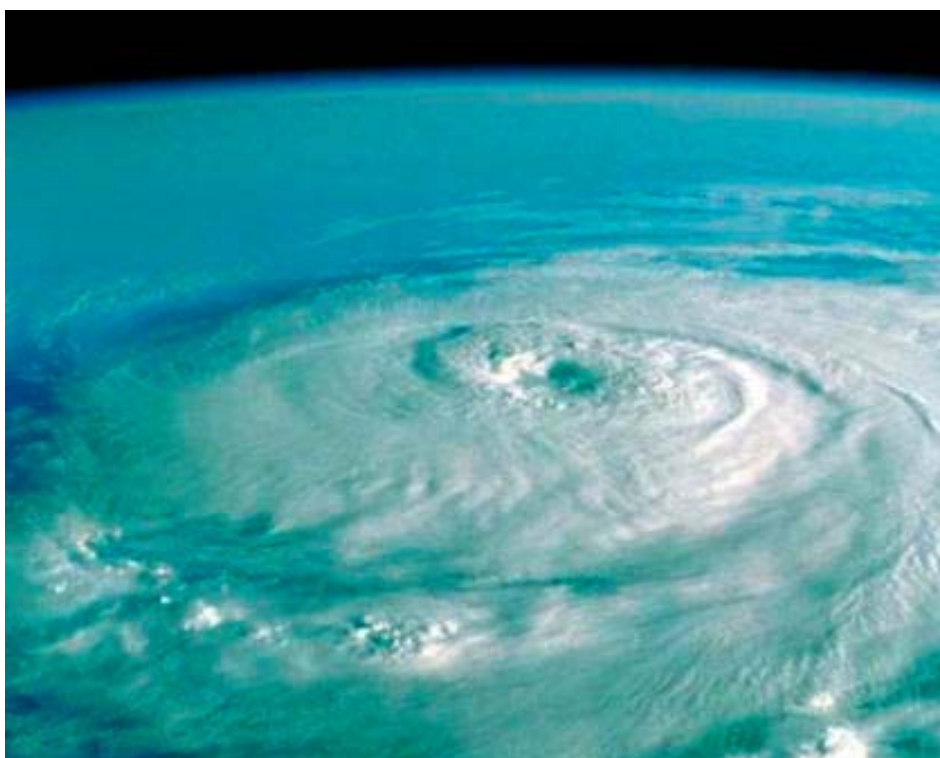
– Рассчитали, рассчитали, но есть причины... исторические причины, знаете ли...

– Не будем об этом! – перебил он. – Ведь я тут не для того, чтобы защищать вас как обвиняемых, но чтобы рекомендовать вас, аттестовать, подчеркивать ваши достоинства и заслуги. Вам понятно?

– Понятно.

Язык у меня онемел, словно замороженный, воротничок фрачной рубашки был тесен, пластрон размяк от пота, лившего с меня ручьем, верительные грамоты зацепились об орден, и верхний лист надорвался. Тарраканин – вид у него был нетерпеливый, а вместе с тем высокомерно-пренебрежительный и как бы отсутствующий – заговорил неожиданно спокойно и мягко (сразу было видно матерого дипломата!):

– Лучше я расскажу о вашей культуре. О ее выдающихся достижениях. Культура-то у вас есть?! – резко спросил он.

natnat.learnerblogs.org

– Есть! И превосходнейшая! – заверил я.

– Вот и хорошо. Искусство?

– О да! Музыка, поэзия, архитектура...

– Ага, архитектура все же имеется! Отлично. Это я запишу. Взрывные средства?

– Как это – взрывные?

– Ну, созидательные взрывы, управляемые, для регулирования климата, перемещения континентов или же рек, – есть у вас?

– Пока только бомбы... – сказал я и уже шепотом добавил: – Зато самые разные – с напалмом, фосфором, даже с отравляющим газом...

– Это не то, – сухо заметил он. – Будем держаться духовной жизни. Во что вы верите?

Этот тарраканин, которому предстояло рекомендовать нас, не был, как я уже догадался, сведущ в земных делах, и при мысли о том, что от выступления существа столь невежественного зависит, быть или не быть нам на галактическом форуме, у меня, по правде сказать, перехватило дыхание. Вот невезенье, думал я, и надо же было как раз сейчас отозвать настоящего специалиста-землиста!

– Мы верим во всеобщее братство, в превосходство мира и сотрудничества над ненавистью и войнами, считаем, что мерой всех вещей должен быть человек...

Он положил тяжелый присосок мне на колено.

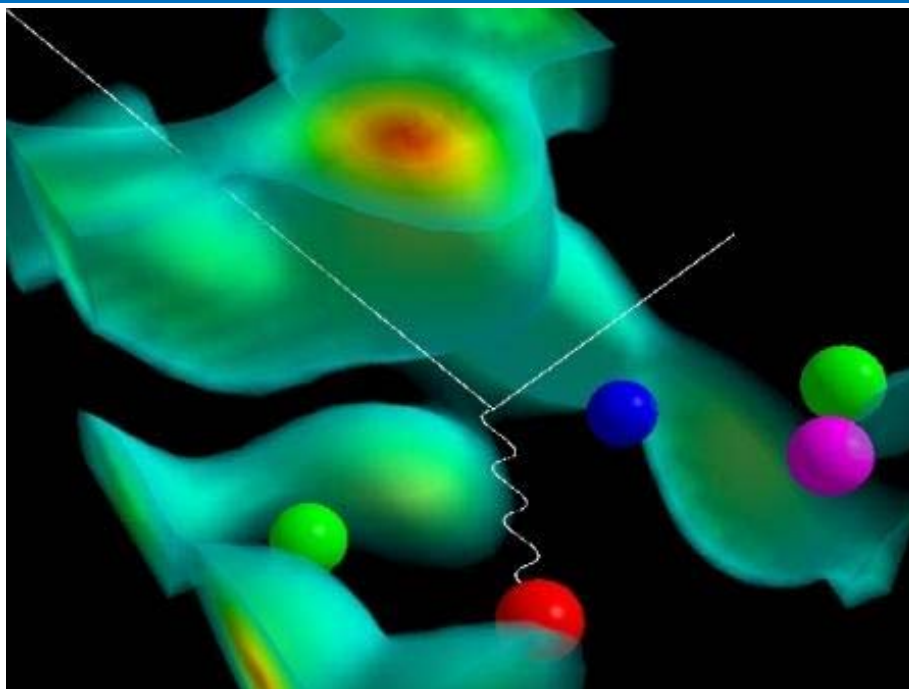
– Ну, почему же именно человек? Впрочем, оставим это. Ваш перечень состоит из одних отрицаний – отсутствие войн, отсутствие ненависти... Ради Галактики! У вас что, нет никаких положительных идеалов?

Мне было невыносимо душно.

– Мы верим в прогресс, в лучшее будущее, в могущество науки...

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – Так, наука... это хорошо, это мне пригодится. На какие науки вы расходуете больше всего?

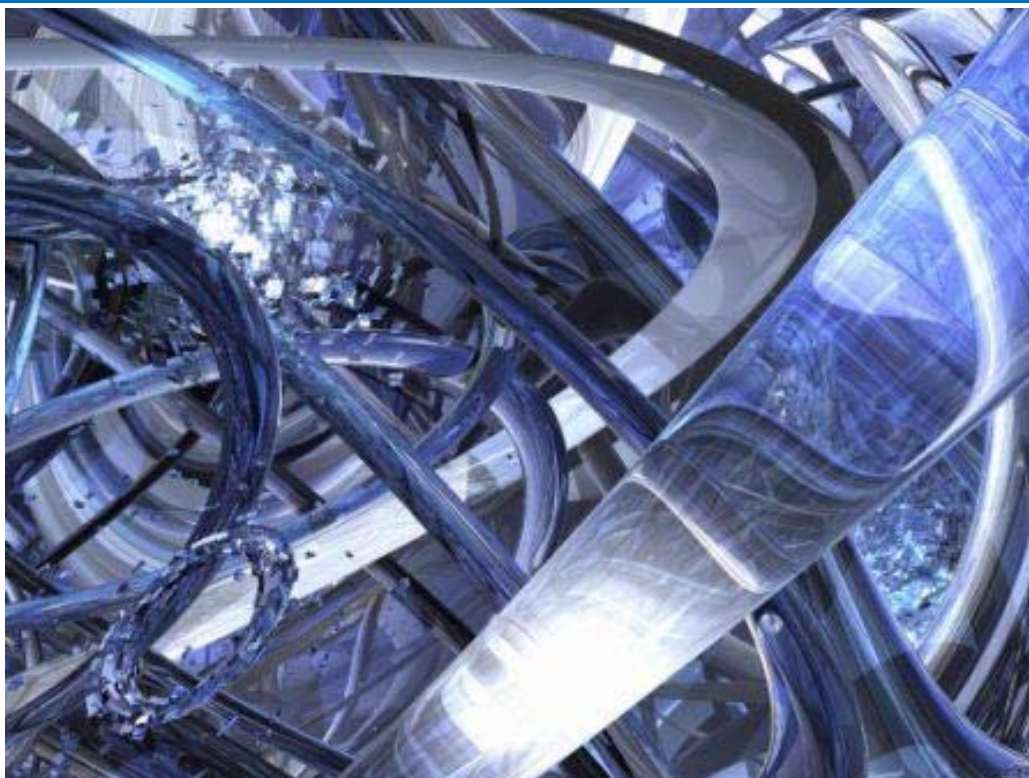
– На физику, – ответил я. – Исследования в области атомной энергии.

theo-phys.uni-essen.de

– Это я уже слышал. Знаете что? Вы только молчите. Я сам этим займусь. Выступлю, и все такое. Положитесь во всем на меня. Ну, в добрый час!

Машина остановилась у здания. Голова у меня кружилась, перед глазами плыло; меня вели хрустальными коридорами, какие-то невидимые преграды раздвигались с мелодическим вздохом, я мчался вниз, вверх и опять вниз, тарраканин стоял рядом, огромный, молчаливый, в складках металла; вдруг все замерло; стекловидный пузырь раздулся передо мной и лопнул. Я стоял на нижнем ярусе зала Генеральной Ассамблеи. Девственно белый амфитеатр, отливая серебром, расширялся воронкой и уходил вверх полукружьями скамей; далекие, крошечные фигурки делегатов расцвечивали белизну спиральных рядов изумрудом, золотом, пурпуром, вспыхивали мириадами таинственных искр. Я не сразу смог отличить глаза от орденов, конечности от их искусственных продолжений, я видел только, что они оживленно жестикулируют, пододвигают к себе кипы документов, разложенных на белоснежных пюпитрах, и еще – какие-то черные, сверкающие как антрацит таблички; а напротив меня, в нескольких десятках шагов, обнесенный справа и слева стенами электрических машин, восседал на возвышении перед целой рощицей микрофонов председатель. В воздухе носились обрывки бесед на тысяче языков сразу, и диапазон этих звездных наречий простирался от самых низких басов до птичьего щебета. С таким чувством, словно пол подо мною проваливается, я одернул свой фрак. Раздался протяжный, нескончаемый звук – это председатель включил машину, которая молотком ударила по пластине из чистого золота. Металлическая вибрация ввинтилась в самые уши. Тарраканин, возвышаясь

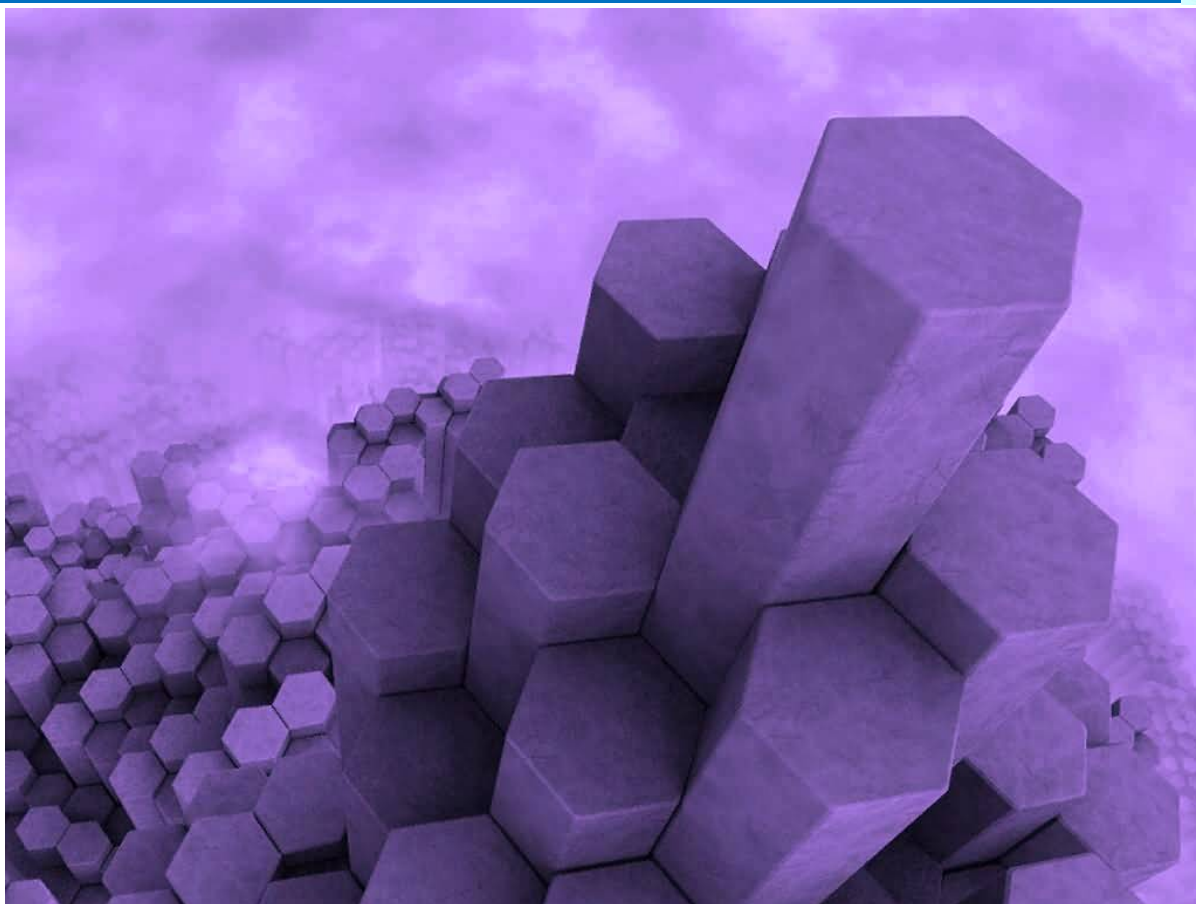
best-wallpapers.com

надо мной, показал мне наши места, голос председателя поплыл из невидимых мегафонов, а я, прежде чем сесть перед табличкой с названием родной планеты, обвел глазами ряды, все выше и выше, в поисках хотя бы одной братской души, хоть одного человекообразного существа, – впустую. Огромные клубни приятных, теплых тонов; завитушки какого-то смородинового желе; мясистые плодоножки, опершиеся на пюпитры; обличья темно-коричневые, как хорошо заправленный паштет, или светлые, как рисовая запеканка; присоски, прищупки, вцеплялки, держащие судьбы звезд, ближних и дальних, проплывали передо мной словно в замедленной съемке, в них не было ничего кошмарного, ничего вызывающего отвращение, вопреки всему, что думали мы на Земле, словно это были не звездные чудища, а творения ваятеля-абстракциониста или кулинара с буйной фантазией...

– Пункт восемьдесят второй, – прошипел мне на ухо тарраканин и сел.

Сел и я. Надел наушники, лежавшие на пюпитре, и услышал:

– Как отмечается в протоколе специальной подкомиссии ООП, устройства, которые, согласно договору, ратифицированному этим высоким собранием, были поставлены, с точным соблюдением всех пунктов означенного договора, Альтаирским Содружеством Шестерному Объединению Фомальгаута, проявляют свойства, не могущие быть результатом незначительных отклонений от технологических

members.home.nl

требований, апробированных высокими договаривающимися сторонами. Хотя, как справедливо отметило Альтайрское Содружество, договором о платежах между обеими высокими договаривающимися сторонами нами предусматривалось, что произведенные Альтаиром просеиватели излучения и планеторедукторы будут наделены способностью к воспроизводству машинного потомства, однако означенная потенция должна была проявляться, сообразно принятой во всей Федерации инженерной этике, в виде сингулярного почкования, без использования для этой цели программ с противоположными знаками, что, к сожалению, как раз и произошло. Такая полярность программ привела к нарастанию любоэстранных антагонизмов в главных энергетических блоках Фомальгаута, что, в свою очередь, стало причиной оскорбляющих общественную нравственность сцен и крупных материальных убытков. Изготовленные поставщиком агрегаты, вместо того чтобы целиком отдаваться труду, для которого они предназначены, часть рабочего времени отводили на процедуры размножения, причем их неустанная беготня со штепселями, имеющая целью акт воспроизводства, повлекла за собой нарушение Панундских Статутов и вызвала к жизни феномен машинографического пика, причем вина за оба эти достойных сожаления факта лежит на ответчике. В силу вышеизложенного настоящим постановлением задолженность Фомальгаута аннулируется.

Я снял наушники – голова разболелась вконец. Черт бы побрал машинное оскорбление общественной нравственности, Альтаир, Фомальгаут и все остальное! Я был по горло сыт ООП, еще не став ее членом. Мне сделалось нехорошо. Зачем я послушался профессора Тарантогу? Зачем я принял эту ужасную должность, вынуждающую меня сгорать со стыда за чужие грехи? Не лучше ли было бы...

Меня как будто прошило током – на огромном табло загорелись цифры 83, и тут же я почувствовал энергичный рывок. Это мой тарраканин, вскочив на присоски, а может, щупальца, потянул меня за собой. Юпитеры, плавающие под сводами зала, обрушили на нас поток голубого света, лучистое сияние, казалось, просвечивало меня насквозь. Я машинально сжимал в руке уже совершенно размякший рулон верительных грамот; чуть ли не в самом ухе раздавался мощный бас тарраканина, гремевшего с воодушевлением и непринужденностью на весь амфитеатр, но слова доходили до меня урывками, как брызги шторма до смельчака, склонившегося над волнорезом.

media.photobucket.com

– ...Изумительная Зимья (он даже не мог как следует выговорить название моей родины!)... великолепное человечество... прибывший сюда его выдающийся представитель... изящные, миловидные млекопитающие... атомная энергия, с редкостной виртуозностью освобожденная их верхними лапками... молодая, динамичная, одухотворенная культура... глубокая вера в плюцимолию, хотя и не

myhdwallpaper.com

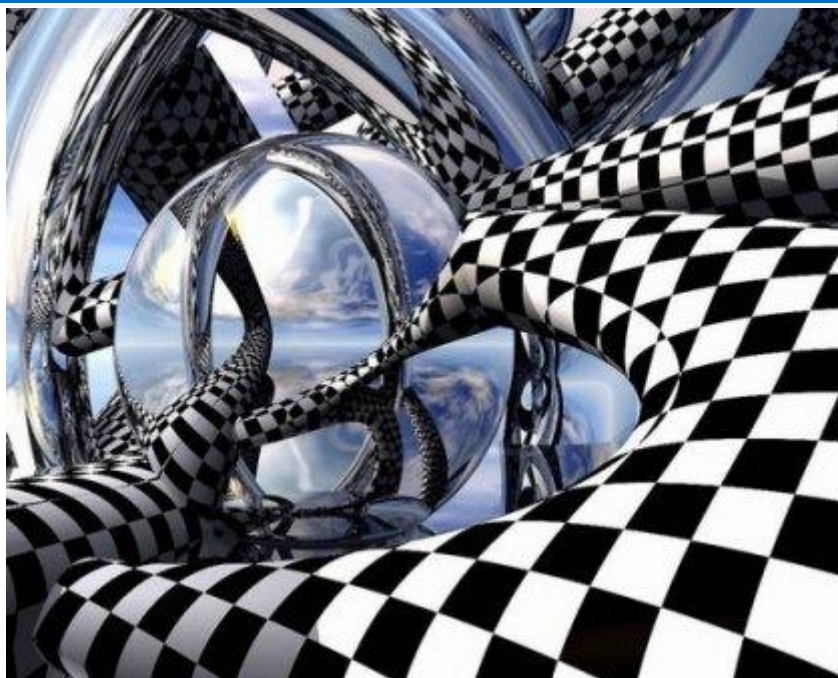
www.METTON.ru

лишенная амфибрунтов (он явно путал нас с кем-то)... преданные делу единства космонаций... в надежде, что принятие их в ряды... завершая период эмбрионального социального прозябания... одинокие, затерянные на своей галактической периферии... выросли смело и самостоятельно, и достойны...

«Пока что, несмотря ни на что, неплохо, – подумал я. – Он нас хвалит, все как будто в порядке... но что это?»

– Конечно, их парность... их жесткий каркас... следует, однако, понять... в этом Высоком Собрании имеют право на представительство даже отклонения от нормы... никакая абберрация не позорна... тяжелые условия, сформировавшие их... водянистость, даже соленая, не может, не должна стать помехой... с нашей помощью они когда-нибудь изживут свой кошмар... свой нынешний облик, который это Высокое Собрание, со свойственным ему великодушием, оставит без внимания... поэтому от имени тарраканской делегации и Союза Звезд Бетельгейзе вношу предложение о принятии человечества с планеты Зумья в ряды ООП и предоставлении присутствующему здесь благородному зумьянину полных прав делегата, аккредитованного при Организации Объединенных Планет. Я кончил.

Раздался оглушительный шум, прерываемый загадочными посвистываниями; рукоплесканий не было, да и не могло быть за отсутствием рук; удар гонга оборвал этот гомон, и я услышал голос председателя:

soft-megaupload.com

– Желает ли какая-либо из высоких делегаций выступить по вопросу о кандидатуре человечества с планеты Зимья?

Тарраканин, сияющий и, как видно, весьма довольный собой, увлек меня на скамью. Я сел, глухо бормоча слова благодарности, и тут же два бледно-зеленых луча выстрелили из разных точек амфитеатра.

– Слово имеет представитель Тубана! – произнес председатель.

Что-то встало.

– Высокий Совет! – услышал я далекий, пронзительный голос, похожий на скрежет разрезаемой жести; но вскоре я перестал замечать его тембр. – Из уст пульпитора Воретекса мы услышали теплый отзыв о доселе неизвестном Собранию племени с далекой планеты. Весьма сожалею, что внезапный отъезд сульпитора Экстревора не позволил нам полней ознакомиться с историей, обычаями и природой этого племени, в судьбе которого Тарракания принимает столь живое участие. Не будучи специалистом по космической монстрологии, я все же в меру своих скромных сил попытаюсь дополнить то, что мы имели удовольствие услышать. Прежде всего отмечу, просто ради порядка, что родная планета так называемого человечества зовется не Зимьей, Зумьей или Зымьей, как – разумеется, не по незнанию, а лишь в ораторском задоре и угаре, – говорил мой почтенный коллега. Это, конечно, малосущественная подробность. Однако и термин «человечество», принятый им, взят из языка племени Земли (именно так звучит настоящее название этой заброшенной, провинциальной

планеты), тогда как наша наука определяет землян несколько по-иному. Надеюсь, что не утомлю это Высокое Собрание, зачитав полное наименование и классификацию вида, членство которого в ООП мы рассматриваем; я воспользуюсь трудом выдающихся специалистов, а именно: «Галактической монстрологией» Граммплюсса и Гзеемса.

Он раскрыл перед собой огромную книжищу там, где была закладка.

– «В соответствии с общепринятой систематикой, встречающиеся в нашей Галактике аномальные формы составляют тип *Aberrantia* (извращенцы), который делится на подтипы: *Debilitales* (кретиноиды) и *Antisapientinales* (противоразумники). К этому последнему подтипу относятся классы *Canaliaceae* (мерзантропы) и *Necroludentia* (трупоглумы). Среди трупоглумов, в свою очередь, различается отряд *Patricidiaceae* (отцегубы), *Matrphagideae* (мамоеды) и *Lasciviaceae* (омерзенцы, или блуднецы). Омерзенцы, формы уже крайне выродившиеся, подразделяются на *Cretininae* (тупонцы, в частности, *Cadaverium Mordans*, или трупогрыз-межеумок) и *Horrorissimae* (квазиморды, классическим представителем которых может служить обалдон-выпрямленец, *Idiontus Erectus Gzeemsi*). Некоторые из квазиморд образуют собственные квазикультуры; сюда относятся, в частности, такие виды, как *Anophilus*

Belligerens, или задолуб-кромешник, именующий себя Genius Pulcherrimus Mundanus – красивец-гениалец вселенчатый, а также редкостный экземпляр с почти лысым телом, наблюдавшийся Граммплюссом в самом темном закоулке нашей Галактики, – Monstroteratum Furiosum (тошняк-полоумник), называющий себя Homo Sapiens.

Зал загудел. Председатель привел в действие молоточную машину.

– Ну, держитесь! – прошипел мне тарраканин.

Я не видел его, то ли из-за блеска юпитеров, то ли из-за пота, застывшего глаза. Слабая надежда затеплилась во мне, когда кто-то потребовал слова для справки; представившись членом делегации Водолея, астрозоологом, оратор принялся возражать тубанцу – увы, лишь постольку, поскольку, будучи сторонником школы профессора Гагранапса, считал предложенную классификацию неточной; он, вслед за своим учителем, выделял особый отряд Degeneratores, к которому принадлежат пережраки, недожраки, трупощипы и мертвомилы; определение «Monstroteratus» применительно к человеку он считал неверным; дескать, следовало предпочесть терминологию водолейской школы, которая последовательно использует термин суррогат чудююдный (Artefactum Abhorrens). После краткого обмена мнениями тубанец продолжил:

– Многоуважаемый представитель Тарракании, рекомендуя нам кандидатуру так называемого человека разумного, или, если быть точным, полоумника чудююдного, типичного представителя трупомиллов, не решился употребить слово «белок», как видно, считая его непристойным. Бесспорно, оно пробуждает ассоциации, распространяться о которых не позволяет приличие. Правда, ДАЖЕ такой телесный материал – факт сам по себе не позорный. (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!») Не в белке дело! И не в назывании себя человеком разумным, пусть даже в действительности ты всего лишь трупомил-недоумок. Это, в конце концов, слабость, которую можно объяснить – хотя и не извинить – самолюбием. Не в этом, однако, дело, Высокий Совет!

Мое сознание отключалось, словно у обморочного, выхватывая лишь обрывки речи.

– Даже плотоядность не может вменяться в вину, раз уж она возникла в ходе естественной эволюции! Но различия между так называемым человеком и его

сородичами-животными почти совершенно отсутствуют! И подобно тому как БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ рост еще не дает права пожирать тех, кто ростом ПОНИЖЕ, так и несколько БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ разум отнюдь не дает права ни убивать, ни пожирать тех, кто ЧУТЬ НИЖЕ умственно, а если уж кто-то иначе не может (возгласы: «Может! Может! Пускай ест шпинат!»), если он, повторяю, НЕ МОЖЕТ иначе, по причине трагического наследственного увечья, то пусть бы уж поглощал свои окровавленные жертвы в тревоге и в тайне, забившись подальше в норы и самые темные закоулки пещер, терзаясь угрызениями совести и надеясь когда-нибудь избавиться от бремени непрерывных убийств. Увы, не так поступает тошняка-полоумник! Он над бранными останками глумится, он их режет, кромсает, полусует, поджаривает и лишь потом поглощает в публичных кормилицах и пожиральнях, глядя на пляски обнаженных самок своего вида и тем самым разжигая в себе аппетит на мертвечину; а мысль о том, чтобы покончить с этим галактически нестерпимым положением дел, даже не приходит в его полужидкую голову! Напротив, он насочинял для себя множество высших резонов, которые, размещаясь между его желудком, этой гробницей бесчисленных жертв, и бесконечностью, позволяют ему убивать с высоко поднятой головой. Больше я не буду говорить о занятиях и нравах так называемого человека разумного, дабы не отнимать у Высокого Собрания драгоценное время. Среди его предков один подавал кое-какие надежды. Я говорю о *homo neanderthalensis*, человеку неандертальском. От

1.bp.blogspot.com

человека теперешнего он отличался большим объемом черепа, а значит, и большим мозгом, то есть разумом. Собирателем грибов, склонный к медитации, любитель искусств, добродушный, спокойный, он, несомненно, заслуживал бы того, чтобы его членство сегодня рассматривалось в этой Высокой Организации. Увы, его уже нет в живых. Может быть, делегат Земли будет столь любезен и скажет нам, что случилось с неандертальцем, таким культурным и симпатичным? Он молчит... Что ж, я скажу за него: неандерталец был начисто истреблен, стерт с лица Земли так

называемым homo sapiens. А земные ученые, как будто им мало было позора братоубийства, принялись очернять убиенного, объявив носителями высшего разума себя, а не его, большемозгого! И вот среди нас, в этом почтенном зале, в этих величественных стенах, мы видим представителя трупоедов, искусного в изобретении кровавых забав, многоопытного конструктора средств истребления, вид которого вызывает смех и ужас, которые мы едва способны сдержать; там, на девственно белой доселе скамье, мы видим существо, не обладающее даже отвагой обычного уголовника, ибо свою карьеру, отмеченную следами убийств, он маскирует все новыми красивыми наименованиями, истинное, страшное значение которых ясно любому беспристрастному исследователю звездных рас. Да, да. Высокий Совет...

channel.nationalgeographic.com

Хотя из его двухчасовой речи я улавливал лишь разрозненные обрывки, этого хватало с лихвой. Тубанец рисовал образ чудовищ, купающихся в крови, и делал это не торопясь, методично, поминутно раскрывая разложенные на пюпитре ученые книги, анналы, хроники, а потом с грохотом бросая их на пол, словно охваченный внезапной гадливостью, словно даже сами страницы, повествующие о нас, были запачканы кровью жертв. Затем он взялся за историю уже цивилизованного человека; рассказывал о резнях, избиениях, войнах, крестовых походах, массовых человекоубийствах, демонстрировал с помощью цветных таблиц и эпидиаскопа технологию преступлений, древние и средневековые пытки; а когда дошел до новейшего времени, шестнадцать служителей подкатили к нему на прогибавшихся тележках кипы нового фактографического материала; тем временем другие служители, вернее, санитары ООП оказывали с небольших вертолетиков первую медицинскую помощь теряющим сознание слушателям, обходя лишь меня одного, в простодушной

news.bbc.co.uk

уверенности, что уж мне-то потоп кровавых известий о нашей культуре несколько не повредит. И все же где-то на середине этой речи я, словно впадая в безумие, начал бояться себя самого, как если бы среди окружавших меня уродливых, странных существ я был единственным монстром. Казалось, эта грозная прокурорская речь не кончится вовсе, но наконец до меня донеслись слова:

– А теперь пусть Высокое Собрание голосует по вопросу о предложении тарраканской делегации!

Зал застыл в гробовом молчании. Вдруг что-то звякнуло рядом со мной. Это встал тарраканин, решив отразить хотя бы некоторые обвинения... несчастный! Он погубил меня совершенно, пытаясь заверить собрание, что человечество чтит неандертальцев как своих достойнейших предков, вымерших без всякой посторонней помощи; но тубанец уничтожил его всего лишь одним лобовым вопросом: эпитет «неандерталец» у землян – похвала или оскорбление?

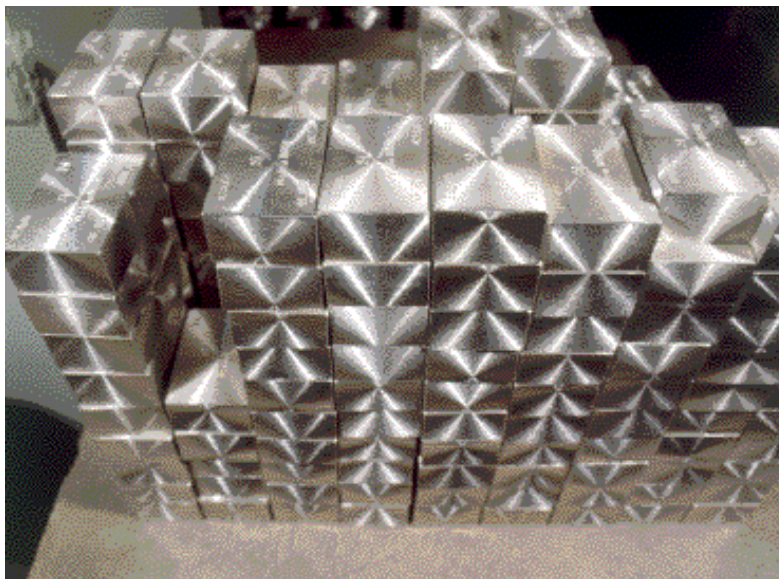
Все кончено, проиграно, думал я, и теперь я поплетусь обратно на Землю, словно прогнанная из будки собака, у которой из пасти вытащили задушенную птицу; но среди слабого шороха зала раздался голос председателя, наклонившегося к микрофону:

– Слово имеет представитель эриданской делегации.

Эриданин был маленький, круглый и серебристо-сизый, как клубок тумана под косыми лучами зимнего солнца.

– Я хотел бы узнать, – начал он, – кто будет платить вступительный взнос землян? Они сами? Ведь сумма немалая – миллиард тонн платины не всякий плательщик осилит!

nauka.relis.ru

Амфитеатр наполнился сердитым гулом.

– Вопрос этот будет уместен лишь в случае положительного исхода голосования!
– чуть помедлив, сказал председатель.

– С позволения Вашей Галактичности, я осмеливаюсь думать иначе, – возразил эриданин, – и поэтому свой вопрос дополню рядом замечаний, на мой взгляд весьма существенных. Вот здесь передо мной труд прославленного дорадского планетографа, гипердоктора Враграса. Цитирую: «Планеты, на которых жизнь самопроизвольно зародиться не может, обладают следующими особенностями: а) катастрофические изменения климата в быстром попеременном ритме (так называемый цикл „зима-весна-лето-осень“), а также еще более смертоносные долгопериодические перепады температур (ледниковые периоды); б) наличие крупных собственных лун – их приливные влияния также губительны для всего живого; в) частопериодическая пятнистость центральной, или материнской, звезды – эти пятна служат источником вредоносного излучения; г) преобладание поверхности воды над поверхностью суши; д) устойчивое околополюсное обледенение; е) наличие осадков текучей или отвердевшей воды...» Как видим, отсюда...

– Прошу слова по процедурному вопросу! – вскочил тарраганин, в котором, кажется, вновь пробудилась надежда. – Как намерена голосовать делегация Эридаана – «за» или «против» нашего предложения?

myhdwallpaper

– Мы будем голосовать «за», с поправкой, которую я изложу Высокому Собранию, – ответил эриданин и продолжал: – Высокочтимый Совет! На девятьсот восемнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи мы рассматривали вопрос о членстве расы блуднецов задглавых, именовавших себя «вечностными совершенцами», хотя телесно они столь непрочны, что за время упомянутой сессии состав блуднецкой делегации менялся пятнадцать раз, между тем как сессия продолжалась не более восьмисот лет. Излагая биографию своей расы, эти несчастные путались в противоречиях, уверяя наше Собрание столь же клятвенно, сколь голословно, что создал их некий Совершенный Творец по своему собственному изумительному подобию, в силу чего они, среди прочего, бессмертны духом. Поскольку из других источников стало известно, что их планета соответствует бионегативным условиям гипердоктора Враграса, Генеральная Ассамблея учредила особую Следственную Подкомиссию, а та установила, что данная противоразумная раса возникла не вследствие безобразного каприза Природы, но в результате достойного сожаления инцидента, вызванного третьими лицами.

(«Да что это он говорит?! Молчать! Убери свой присосок, блуднец!») – все громче звучало в зале.)

– На основе отчета Следственной Подкомиссии, – продолжал эриданин, – очередная сессия Генеральной Ассамблеи приняла поправку к статье второй Хартии Объединенных Планет, которую я позволю себе зачитать (он развернул длинный

skitch.com

пергаментный свиток): «Настоящим устанавливается категорический запрет жизнедеятельности на всех без исключения планетах типа А, Б, В, Г и Д по классификации Врагаса; руководству исследовательских экспедиций и командирам кораблей, которые совершают посадку на этих планетах, вменяется в обязанность неукоснительное соблюдение вышеозначенного запрета. Он распространяется не только на умышленные жизнедеятельные процедуры, такие, как рассеивание бактерий, водорослей и тому подобное, но и на неумышленное зачатие биоэволюции, будь то по халатности или по недосмотру. Эта противозачаточная профилактика диктуется доброй волей и глубокой осведомленностью ООП, которая отдает себе отчет в следующем. Во-первых, вредоносная среда, в которую заносятся извне зародыши жизни, порождает эволюционные извращения и уродства, абсолютно чуждые природному биогенезу. Во-вторых, в вышеназванных обстоятельствах возникают виды, не только телесно ущербные, но и носящие признаки духовного вырождения в самых его тяжелых формах; если же в подобных условиях выведутся существа хоть немного разумные, а это порою случается, их жизнь отравлена душевными муками. Достигнув первой ступени сознания, они начинают искать вокруг себя причину своего возникновения и, не находя таковой, увлекаются химерами верований, возникающих из отчаяния и разлада. А так как им чужд нормальный ход эволюционных процессов в Космосе, то свою телесность (сколь бы она ни была уродлива), а также свой способ недомышления они объявляют типичными, нормальными для целой Вселенной. На основании вышеизложенного и имея в виду

благоденствие и достоинство жизни вообще, а разумных существ в особенности, Генеральная Ассамблея постановляет, что нарушение вводимой отныне в действие противозачаточной статьи Хартии ОП преследуется по закону в порядке, установленном Кодексом Межпланетного Права».

ogoniok.com

gorod48.ru

Эриданин, отложив Хартию ОП, поднял увесистый том Кодекса, который вложили ему в щупальца сноровистые помощники, и, открыв эту громадную книгу в нужном месте, громко начал читать:

– «Том второй Межпланетного Уголовного Кодекса, раздел восьмидесятый: „О планетарном беспутстве“.

Статья 212: Оплодотворение планеты, по природе бесплодной, карается зазвездением на срок от ста до тысячи пятисот лет, помимо гражданской ответственности за моральный и материальный ущерб.

Статья 213: Те же действия, совершенные с особым цинизмом, а именно: преднамеренные развратные манипуляции, повлекшие за собой зарождение особенно извращенных форм жизни, возбуждающих всеобщий ужас или всеобщее омерзение, караются зазвездением на срок до тысячи пятисот лет.

Статья 214: Оплодотворение бесплодной планеты по халатности, рассеянности или вследствие неприменения противозачаточных средств карается зазвездением на срок до четырехсот лет; в случае неполной вменяемости виновного наказание может быть снижено до ста лет».

– Я умалчиваю, – добавил эриданин, – о наказаниях за вмешательство в эволюционный процесс *in statu nascendi*, поскольку это не относится к нашей теме.

Отмечу, однако, что Кодекс предусматривает материальную ответственность виновных по отношению к жертвам планетарного непотребства; соответствующие статьи Гражданского Кодекса не буду зачитывать, чтобы не утомлять Собрание. Добавлю еще, что в каталоге небесных тел, признанных абсолютно бесплодными – согласно классификации гипердоктора Враграса, положениям Хартии Объединенных Планет и статьям Межпланетного Уголовного Кодекса, – на странице две тысячи шестьсот восемнадцатой, строка восьмая снизу, фигурируют следующие объекты: Зезмая, Зембелия, Земля и Зизма...

Челюсть у меня отвисла, верительные грамоты выпали из рук, в глазах потемнело. «Слушайте! – кричали в зале. – Слушайте! В кого он метит?! Долой! Да здравствует!» Сам же я, насколько это было возможно, пытался залезть под пюпитр.

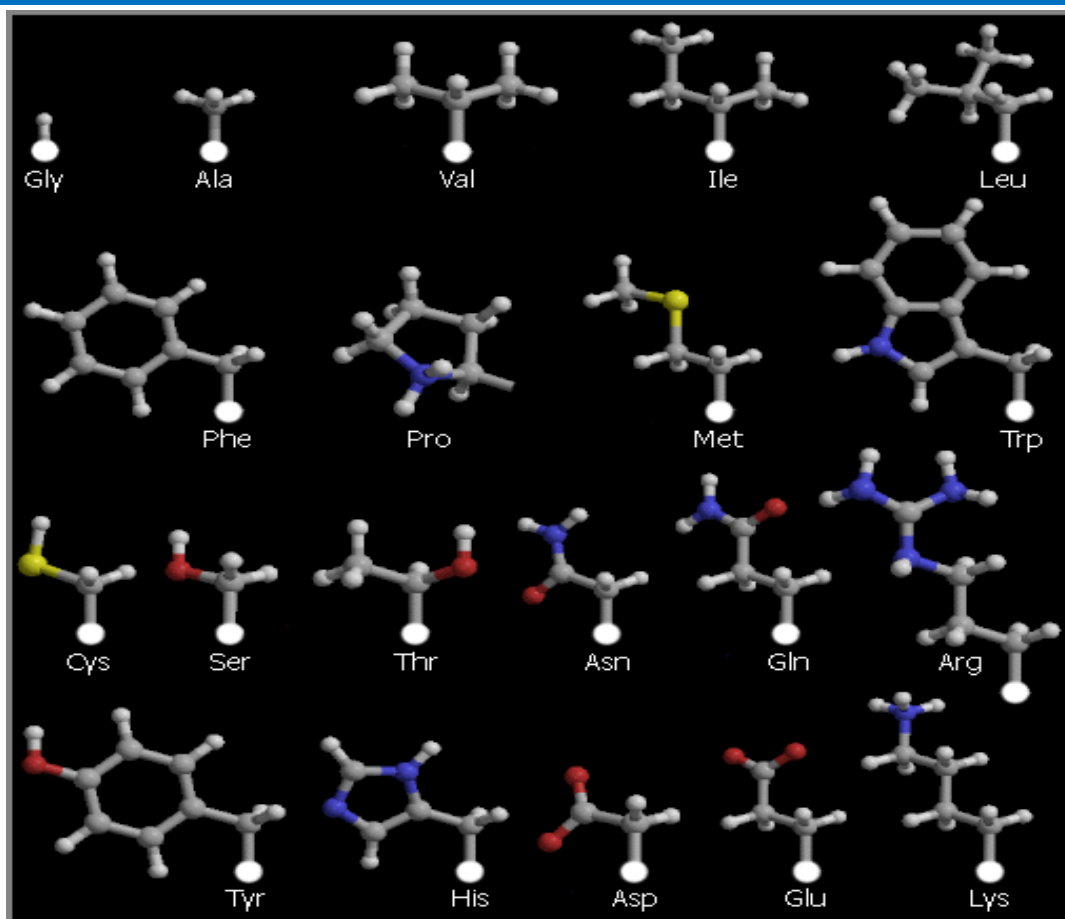
– Высокий Совет! – загремел представитель Эридана, со стуком швыряя оземь тома Межпланетного Кодекса (похоже, это был излюбленный в ООП ораторский прием). – Позор нарушителям Хартии Объединенных Планет! Позор безответственным элементам, зачинающим жизнь в условиях, ее недостойных! Вот приходят к нам существа, не сознающие ни мерзости своего бытия, ни его причин! Вот они стучатся в почтенные двери этого достойнейшего Собрания, и что же мы можем ответить им, всем этим блуднецам, суррогадам, тошнякам, мамоедам, трупоидам, тупонцам, заламывающим свои псевдоручки и падающим со своих псевдоножек при известии, что они относятся к псевдотипу «лжетвари», что их Совершенным Творцом был случайный матрос, выплеснувший на скалы мертвой планеты ведро перебродивших помоев, ради забавы наделив эти жалкие зародыши свойствами, которые сделают их посмешищем целой Галактики! И как потом защищаться этим горемыкам, если какой-нибудь Катон

заклеймит их позором за гнусную белковую левовращательность! (Зал бушевал, машина напрасно молотила своим молотком, вокруг гудело: «Позор! Долой! Зазвездить! О ком он? Гляньте-ка, а землянин-то растворяется, тошняк уже весь потек!»)

Действительно, меня бросило в пот. Эриданин, зычным басом перекрывая общий гомон, кричал:

– А теперь – несколько последних вопросов достопочтенной тарраканской делегации! Верно ли, что в свое время на мертвой тогда планете Земля опустил под вашим флагом корабль, на котором из-за аварии холодильников часть припасов протухла? Верно ли, что на этом корабле находились двое космушников-пустоходцев, впоследствии вычеркнутых из всех реестров за беззастенчивые махинации с болотной ряской, и что этих прохвостов, этих млечных путаников звали Оспод и Погг? Верно ли, что Оспод и Погг, не ограничиваясь обычным загрязнением беззащитной, пустынной планеты, решили, по пьяному делу, учинить на ней, самым бесстыдным и возмутительным образом, биологическую эволюцию, какой еще свет не видывал? Верно ли, что оба эти тарраканина цинично и злонамеренно вступили в сговор с целью устроить из Земли питомник курьезов галактического масштаба, космический зверинец, паноптикум, кунсткамеру кошмарных диковин, живые экспонаты которой станут посмешищем в самых отдаленных Туманностях?! Верно ли, что эти безобразники, лишенные всякого чувства приличия и нравственных тормозов, вылили на скалы безжизненной Земли шесть бочек заплесневелого желатинового клея и два ведра испорченной альбуминовой пасты, подсыпали туда забродившей рыбозы, пентозы и левуллозы и, словно им мало было всех этих гадостей, добавили три больших бидона с раствором прокисших аминокислот, а получившееся месиво взболтали угольной лопатой, скособоченной влево, и кочергой, скрученной в ту же сторону, в результате чего белки всех будущих земных существ стали ЛЕВОвращающими?! Верно ли, что Погг, страдавший от сильного насморка и подстрекаемый Осподом, еле стоящим на ногах от чрезмерного употребления спиртных напитков, умышленно начихал в плазменный зародыш и, заразив его вредоносными вирусами, гоготал, что, дескать, вдохнул «нечистый дух» в несчастную эволюционную закваску?! Верно ли, что эта левовращательность и эта вредоносность перешли затем в тела земных организмов и пребывают в них по сей день, причиняя массу страданий безвинным представителям расы суррогадов, которые присвоили

phys.protres.ru

себе имя «человека разумного» лишь по простецкой наивности? И наконец, верно ли, что тарраканы должны заплатить за землян не только вступительный взнос в размере биллиона тонн платины, но и КОСМИЧЕСКИЕ АЛИМЕНТЫ несчастным жертвам планетарного непотребства?!

При этих его словах в амфитеатре начался сущий бедлам. Я втянул голову в плечи: по залу во всех направлениях летали папки с документами, тома Межпланетного Кодекса и даже вещественные доказательства – насквозь проржавевшие бидоны, бочки и кочерги, неведомо откуда взявшиеся; должно быть, хитроумные эридане, будучи не в ладах с Тарраканией, с незапамятных времен вели на Земле археологические раскопки, собирая улики и складировав их на летающих тарелках; но раздумывать об этом было некогда – зал ходил ходуном, в глазах рябило от щупальцев и присосков, мой тарраканин в каком-то угаре сорвался с места и что-то кричал, заглушаемый общим шумом, а я словно ушел на самое дно этого водоворота, и моя последняя мысль была о предумышленном чихе, который зачал нас.

Вдруг кто-то больно вцепился мне в волосы. Я вскрикнул. Это тарраканин, пытаюсь продемонстрировать, как добротен я сработан земной эволюцией и насколько

liveinternet.ru

я не похож на случайное существо, наспех слепленное из всякой гнили, ухватил меня и принялся долбить по макушке своим огромным, тяжелым присоском... Я отбивался все слабей и слабей, теряя дыхание, чувствуя, что жизнь из меня уходит, еще раз-другой взбрыкнул в агонии – и упал на подушки. Еще не очнувшись, сразу вскочил. Я сидел на кровати. Ощупал голову, шею, грудь – и убедился, что все пережитое было только кошмарным сном. Я облегченно вздохнул, но потом меня начали мучить сомнения. Я сказал себе: «Страшен сон, да милостив Бог!» – но и это не помогло. В конце концов, чтобы развеять мрачные мысли, я отправился к тетке на Луну. Но вряд ли восьмиминутную поездку на планетобусе, который останавливается у моего дома, можно назвать восьмым звездным путешествием – уж скорее, этого имени заслуживает предпринятая во сне экспедиция, в которой я так настрадался за человечество.

astrosurf.com